

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

Русскоязычный и англоязычный финансовый дискурс: эмоциональный аспект

Чугунов Артем Алексеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Москва, Россия

E-mail: art.305.chu@mail.ru

На первый взгляд может создаваться впечатление, что финансовый дискурс — это сфера, где преобладает когнитивная информация, так как в данном виде дискурса на передний план выходит точная передача сведений финансового характера, т.е. цифровых данных о доходах и расходах, прибылях и убытках, котировках, обменных курсах и т.п. *«Информация в своем схематически моделированном виде лишена эмоционально-оценочных элементов. Однако всякая модель, реализованная в конкретных формах, претерпевает какие-то модификации. ... Эмоциональное все же пробивает себе путь в разные классы информации»* [Гальперин 1981: 35]. В действительности, участникам финансового дискурса приходится не только предоставлять определенные данные, но и решать целый спектр прагматических задач, так как зачастую нужно убедить аудиторию в необходимости того или иного не совсем однозначного решения, привлечь людей на свою сторону, разрядить обстановку и т.д. В переводе текстов финансового дискурса передачи лишь когнитивной информации будет недостаточно, потому что не менее значим в данном дискурсе и другой вид информации, а именно эмоциональная информация, которая является существенным компонентом финансовой коммуникации, прежде всего, устной.

Если рассмотреть лексические особенности русскоязычного и англоязычного финансового дискурса, то выявляются определенные различия. Для русскоязычного финансового дискурса в большей степени характерно использование разговорной лексики, а также разговорных сокращений, что хорошо видно на следующем примере:

*«Мы продолжаем **мониторить** ситуацию в банковском секторе. Центробанк провел стресс-тестирование банков. Мы не намерены афишировать и публиковать соответствующие данные»* [А.Л. Кудрин 2010].

В данном случае в речи министра финансов встречается глагол *«мониторить»*, который, безусловно, не относится к нейтральной лексике, являясь неологизмом, образованным от заимствованного существительного *«мониторинг»*. Таким образом, лексика сниженно-разговорного характера является одним из типичных, но не единственных способов передачи эмоциональной информации в русскоязычном финансовом дискурсе. Что касается англоязычного финансового дискурса, то разговорная лексика пусть реже, но все же иногда используется для придания выступлению эмоциональной окраски.

Также следует отметить использование в финансовом дискурсе разнообразных метафор. Так, например, для англоязычного финансового дискурса в большей степени, чем для русскоязычного дискурса финансовой направленности характерны метафоры, имеющие отношение к концепту «опасность»:

“*To be sure, the housing sector is far from being **out of the woods***” [Ben S. Bernanke 2012].

В то же время русскоязычной финансовой коммуникации более свойственны метафоры, построенные на концепте «препятствие»:

«*Если бы не было своевременно и чётко это сделано, то начались бы «заторы» при закупках. Прежде всего обеспечивается работа госорганов и муниципалитетов по работе с этим сайтом, работа коммерческих структур с ним*» [А.Л. Кудрин 2011].

Другой важнейшей составляющей финансового дискурса является эмоциональный синтаксис. К средствам эмоционального синтаксиса можно отнести восклицательные предложения, императив, риторические предложения и предложения парцеллятивного характера. С точки зрения использования императива англоязычный дискурс не выделяется на фоне русскоязычного дискурса, но имеет свои специфические особенности. Если в русскоязычной финансовой коммуникации довольно часто используются конструкции, начинающиеся со слов *давайте, пусть*, то в англоязычном финансовом дискурсе весьма частотное применение повелительного наклонения в более прямолинейной форме:

“***Listen less** to those whose judgments brought us this crisis. **Listen less** to those who told us all they were the masters of noble financial innovation and sophisticated risk management. **Listen less** to those who complain about the burdens of living with smarter regulation or who oppose having to pay a fee for the costs of this or future crises*” [Timothy F. Geithner 2010].

Хотя номенклатура средств выражения эмоциональной информации, в принципе, совпадает в русском и английском языках, их реальное употребление значительно варьируется в количественном и качественном соотношении. Следовательно, учет дискурсивного узуса позволит не только достичь репрезентативности перевода в сфере финансовой коммуникации, но и поспособствует большей стабильности мировой финансовой системы.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования М.: Издательство «Наука», 1981. – 138 с.
2. 05.10.2010 Стенограмма выступления А.Л. Кудрина на международном инвестиционном форуме «Россия зовет»
3. 03.03.2011 Стенограмма выступления А.Л. Кудрина на расширенном заседании коллегии Федерального казначейства
4. March 22, 2010 Treasury Secretary Timothy F. Geithner Remarks before the American Enterprise Institute on Financial Reform
5. November 15, 2012 Chairman Ben S. Bernanke At the New York Economic Club